

Отзыв

официального оппонента о диссертации Алексеева Александра Владимировича «Цифровая протестная коммуникация (на примере социально-политических движений)», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика. Ростов-на-Дону. – 2025. – 467 с.

Современная протестная коммуникация представляет собой социально значимый, актуальный и недостаточно изученный в лингвистике объект исследования. Технологические изменения последних лет тесно взаимодействуют с социокультурными, а новые медиа и коммуникативные технологии оказывают значительное влияние на различные аспекты участия граждан во многих сферах общественной жизни.

Протест как объект изучения различных гуманитарных наук имеет уже определенную исследовательскую традицию. Так, представителями общественных наук современный протест интерпретируется как актуальные формы политического участия граждан и их самоорганизации, базирующиеся на новых медиа и коммуникативных и социальных технологиях.

Собственно лингвистические исследования протестной коммуникации в рамках разных форм политического участия немногочисленны, носят разрозненный характер. Протест анализируют как концепт, изучаются медиатизация протеста, отдельные аспекты межжанровой интеграции в протестной коммуникации. В ряде работ анализируются полимодальные характеристики оппозиционного плаката, онлайн-петиции, лозунги как сверттекст.

Изучение протеста определяется доминантной ролью коммуникации как смыслообразующего стержня информационного общества и социальной значимостью самого феномена протеста, важностью осмысления протеста в контексте современного информационно-коммуникативного пространства, его новых форм, факторов, влияющих на трансформации форм и изменений самого процесса коммуникации, субъектов коммуникации, форматов коллективного взаимодействия.

Современное информационное общество характеризуется не только новыми формами коммуникации, но и значительными изменениями самого процесса коммуникации, в частности, речь идет о современной электронной массовой коммуникации, о новых формах организации коллективных действий, что и является предметом исследования Алексеева Александра Владимировича.

Актуальность обусловлена также недостаточной изученностью механизмов включённого воздействия гипертекстуальной природы хэштега на коммуникативное поведение пользователей при организации социально-политического протеста в современном обществе. Это обуславливает решение и такой задачи, как теоретическое обоснование хэштега и других цифровых единиц в терминах современной лингвистики в контексте цифрового протестного взаимодействия. Актуальность исследования продиктована также необходимостью разработки методологии, методов и методик противодействия данному виду деструктивной социальной практики.

В этой связи актуальность темы данной диссертации не вызывает сомнений.

Научная новизна исследования коммуникативного цифрового протеста (21 протестная кампания) в цифровом пространстве заключается в комплексном описании лингвистической природы цифровой протестной коммуникации на примере социально-политических движений, что позволило автору разработать лингвистическую теорию формирования цифрового социально-политического протеста.

В рамках предлагаемой теории автором разработан терминологический аппарат для описания процесса хэштегирования в современной виртуальной коммуникации на социальных платформах, в частности, введены в научный оборот термины «инфолингвополе» и «инфолингволиния», определен лингвистический статус «цифровой лексической единицы», разработаны принципы лингвистического формирования, измерения и построения

социально-политических протестных кампаний в современном медийном пространстве.

О научной новизне свидетельствует также построение речевых стратегий реализации цифрового протеста на социальных платформах и его перехода из виртуальной коммуникации в реальную акцию несогласия. Научная новизна заключается также в том, что детально описана гипертекстовая природа феномена цифровой протестной коммуникации; разработаны принципы лингвистического формирования, измерения и построения социально-политических протестных кампаний в современном медийном пространстве с привлечением к анализу инструментария корпусной лингвистики, теории семантического поля, политической лингвистики, социолингвистики и ареальной лингвистики.

В диссертации лексема, выраженная по форме хэштегом, впервые рассматривается в лингвистике не только как отдельная единица, но и как открытый свернутый текст, характеризующийся прецедентностью, потенциально включающий совокупность всех текстовых, фото-, аудио- и видеофайлов.

Отметим **личный вклад** автора в самостоятельно проведенном исследовании: работа выполнена на основе современного и актуального материала виртуальной коммуникации на английском языке, в котором предложена оригинальная классификация цифровых лексических единиц (ЦЛЕ) протестного дискурса. В процессе исследования автором были установлены и описаны закономерности реактуализации протестных хэштегов во взаимосвязи с социально-политическими контекстами. Кроме того, диссертантом впервые были разработаны универсальные принципы исследования цифрового коммуникативного взаимодействия в протестных движениях в социальных сетях.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в том, что автором разработаны методология исследования цифровой протестной

коммуникации и принципы комплексного лингвистического описания коммуникативного феномена языковой компрессии в цифровом дискурсе на примере социально-политических протестных движений. Автору удалось установить, систематизировать и описать основные характеристики директивных речевых актов при формировании протестных движений и их роль в процессе образования лозунгов цифрового протеста, а также разработать и апробировать методику анализа ЦЛЕ на материале коммуникативной практики социально-политических движений в контексте теории семантических полей. К научной значимости проведенного исследования следует отнести также и расширение общей лингвистической теории языковой компрессии в рамках современной виртуальной коммуникации.

Рецензируемую работу следует признать ценной и в **практическом плане**: создан лингвистический корпус ЦЛЕ применительно к социально-политическим оппозиционным движениям, который может служить основой для разноаспектных исследований цифровой протестной коммуникации. Результаты выполненного исследования должны найти применение в курсах общего языкознания, лексикологии английского языка, спецкурсах по лингвистическому анализу текста, в преподавании английского языка как иностранного и обучении приемам речевого воздействия, а также в лексикографии при составлении словаря ЦЛЕ английского и других языков,

Структура диссертации соответствует теме и цели исследования. Диссертация включает Введение, четыре Главы, Заключение, Библиографический список, включающий 708 наименований, из них 373 на русском и 336 на иностранных языках, три Приложения, а также таблицы, рисунки, раскрывающие фактуальную базу исследования.

Содержание глав посвящено теоретическим и методологическим основам изучения цифровой протестной коммуникации, анализу коммуникативного потенциала лексических единиц в социально-политических протестных движениях, методике лингвистического измерения цифровой коммуникации

протестных движений и апробации модели построения протестного социально-политического движения.

Основные достижения диссертанта сводятся, на мой взгляд, к следующим моментам:

представлена новая систематизация обширного фрагмента языковой реальности с учетом достижений, полученных в смежных областях гуманитарного знания;

разработана новая исследовательская модель, интегрирующая опыт описания и объяснения языковых фактов в различных парадигмах современной лингвистики;

описана внутренняя структура организации лексико-семантических полей протестных движений и раскрыты словообразовательные особенности хэштегов;

обоснована таксономия хэштегов на примере протестных движений;

установлена и описана двойственная функция ЦЛЕ;

предложен новый подход, заключающийся в корреляции методов точных наук и методов языкознания в рамках исследования лексических единиц в цифровом дискурсе;

разработаны комплексная методика лингвистического измерения ЦЛЕ при хэштег-активизме, а также алгоритм анализа цифровой протестной коммуникации;

определены главные компоненты лексико-семантического поля социально-политического протеста и представлен алгоритм по определению инфлюэнсеров и установки их коммуникативных задач.

Важным вкладом в науку является раскрытие автором механизмов конструирования коллективной идентичности и стратегии фрейминга протестной повестки.

Впечатляет солидный уровень апробации выполненного исследования – 47 публикаций, включающих три монографии и 17 статей в ведущих

рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ, а также 4 публикации в научных журналах, входящих в наукометрические базы Scopus, Web of Science. Результаты исследования докладывались на 16 международных научных конференциях.

Рассмотрение понятий «хэштег», «гипертекст», «цифровая лексическая единица», «инфолингвополе», предпринятое автором в первой главе диссертации, позволило диссертанту построить надежный теоретический фундамент исследования и выработать принципы, по которым строится исследование. Особо важным является введение автором в предпринятом исследовании термина «цифровая лексическая единица» (с. 41), обоснование использования именно этого термина при рассмотрении взаимодействия в современной цифровой коммуникации (с. 48).

Рассмотрение хэштегирования в диахронии позволило диссертанту установить этапы его эволюции от единицы корреспонденции до коммуникативной единицы современного цифрового дискурса. Автор убедительно показывает, что использование хэштегов в цифровом пространстве демонстрирует наличие в данном виде ЦЛЕ признаков гипертекста, а также его воздействующий потенциал в цифровой среде (с. 50).

Говоря о структурных и прагматических особенностях цифровой протестной лексики как показателях языковой компрессии (раздел 1.4.), автор рассматривает структурные особенности образования ЦЛЕ в протестной коммуникации, которая включает такие уровни, как фонемный, морфемный, лексический, синтаксический. Критический анализ литературы, представленный в данном разделе, позволил автору заключить, что в структурном плане цифровые протестные лексемы опираются преимущественно на механизм языковой компрессии (с. 84).

Представляется обоснованным вывод автора о том, что в основе организации структурных и прагматических особенностей протестных ЦЛЕ

заложен принцип языковой компрессии, который реализуется на всех уровнях (фонемном, морфемном, лексическом и синтаксическом (с. 95).

Особое значение в работе имеют принципы количественной лингвистики. Статистические методы, контент-анализ и корпусный анализ применялись в процессе исследования цифровых лексических единиц в созданном автором корпусе. Использование метода семантического дифференциала позволило диссертанту разработать лингвистическую параметризацию коммуникативного протеста в условиях современного цифрового взаимодействия, а также продемонстрировать коммуникативные особенности взаимодействия между участниками протестных акций.

К несомненным достоинствам исследования отнесем также реализацию синтеза методов корпусной лингвистики и анализа коммуникативных процессов в современных социально-политических движениях в сети Интернет, что обеспечивает надежную методологическую базу исследования.

Подробному анализу основных проблем цифрового протеста посвящена Глава 2. На примере различных движений рассматривается тематическая манифестация цифровой протестной коммуникации; анализируется семантический уровень ЦЛЕ; устанавливается денотативное и коннотативное содержание протестных ЦЛЕ; определяются словообразовательные особенности директивных хэштегов; описываются лексико-семантические особенности употребления хэштегов; раскрываются элементы лексико-семантического поля ЦЛЕ. Важным аспектом, на наш взгляд, является изучение трансляции позиции лидеров мнений через призму реализации метафункции протестной коммуникации. Изучение различных протестных движений в социальных сетях, которые были подвергнуты анализу во второй главе работы, позволило выделить основную тематику протестных кампаний: социальные, политические, протесты коренных народов.

Третья глава посвящена вопросам методики лингвистического измерения цифровой коммуникации социально-политических протестных движений.

Автор анализирует особенности лингвистической географии цифровой протестной коммуникации. Специалисты, несомненно, обратят внимание на предложенные принципы измерения воздействующей силы лидеров мнений в цифровой протестной коммуникации, а также на градуирование коннотативных значений ЦЛЕ в цифровой протестной коммуникации. Заслуживает внимания, в частности, разработанные автором способы поиска лексико-семантического поля социально-политического протеста. Итогом анализа в данной главе стала разработанная база данных цифровых лексических единиц протестных социально-политических движений.

Несомненно, предлагаемый подход к изучению коммуникации в протестных движениях с учетом экстралингвистического анализа ЦЛЕ будет способствовать определению ареала протестной коммуникации, а также его влияния на социальную и политическую жизнь социума исследуемой страны.

Разработанный автором алгоритм анализа цифровой протестной коммуникации убедительно доказывает необходимость многомерного анализа цифровой протестной коммуникации в связи с ее функциональной многослойностью и сложным социально-политическим устройством.

Что касается четвертой главы диссертации, то она представляет собой тестирование модели, описанной в третьей главе рецензируемого исследования: идентифицируются границы инфолингвополя в цифровой протестной коммуникации; формируется лексико-семантическое поле в протестной социально-политической кампании; апробируется методика анализа цифровой протестной коммуникации на основе корпуса цифровых лексем; отрабатываются принципы методики измерения ценностного отношения адресата к социально-политическому. Весьма убедительны и полученные автором данные относительно воздействующей роли инфлюэнсеров в цифровой протестной коммуникации.

Выводы к Главам исследования и Заключение весьма информативны.

Все полученные автором данные представлены в количественном выражении, обобщены в виде таблиц и рисунков, помогающих понять сложную, иерархически организованную систему цифровой протестной коммуникации. Следует подчеркнуть достоверность полученных результатов, которая обеспечена как надежным теоретическим основанием работы, так и подробным описанием фактологического материала.

Выполненное исследование открывает перспективы для изучения закономерностей цифровой протестной коммуникации. Сюда можно отнести этические аспекты цифровой протестной коммуникации, влияние искусственного интеллекта на процесс цифровой протестной коммуникации, исследования в области семиотики протеста. Исследование открывает широкие перспективы для проведения междисциплинарных исследований данного феномена.

Высокий уровень выполненной работы дает возможность рецензенту поставить перед уважаемым диссертантом вопросы, и высказать замечания, связанные с проблематикой исследования.

1. В работе указывается, что исследование тесно соотносится с ареальной лингвистикой (с. 30). В связи с этим возникает ряд вопросов:

1.1. Каким образом методологический аппарат ареальной лингвистики, традиционно опирающийся на критерий географической локализации, может быть адаптирован для анализа цифровой протестной коммуникации, имманентно обладающей трансграничным и сетевым характером?

1.2. На основании каких лингвосемиотических и дискурсивных критериев протестные движения в цифровой среде могут быть интерпретированы как лингвистические ареалы, и в какой мере операционализировано само понятие «ареал» применительно к виртуальному пространству?

1.3. Каким образом в исследовании решается эпистемологическое противоречие между традиционной для ареальной лингвистики парадигмой устойчивой территориальной привязанности языковых явлений и

принципиально нетерриториальной природой цифрового протестного дискурса?

2. В параграфе 4.2. «Построение лексико-семантического поля в протестной социально-политической кампании» (с. 282-289) автор деконструирует акции в цифровой протестной коммуникации с позиции исследования не одной цифровой лексической единицы, а комплекса цифровых лексем. В связи с этим возникает вопрос: Насколько адекватность реконструкции механизмов смыслообразования в цифровом протестном дискурсе обусловлена необходимостью перехода от анализа единичных цифровых лексических единиц к исследованию структурных взаимосвязей в рамках целостного лексико-семантического поля, где учитывается динамика семантических сдвигов, миграция лексем между платформами и адаптация к условиям цензуры?

3. Следующий вопрос касается материала исследования, а именно выбора географии оппозиционных движений. Так, во второй главе подробно описаны акции несогласия, которые происходили в США, Уганде, Франции, Бразилии и других странах (см.: с. 122-210).

3.1. Как учитывалась линвокультурная специфика этих ареалов? Автор, на наш взгляд, упускает из анализа обычаи, традиции и социальные нормы представителей разных лингвокультур. Непонятно, как они соотносятся в разных протестных движениях в разных странах (а анализируются протестные движения в культурно и ментально неоднородных странах – это страны Арабского Востока, Франция, США, Китай (Гонконг)). Полученные результаты характерны для представителей только одной анализируемой лингвокультуры? В чем заключается общее и различное?

3.2. Почему в исследовании в рамках методологической избирательности не рассматривались особенности функционирования цифровой протестной коммуникации внутри Российской Федерации?

3.3. Каким образом отсутствие в выборке анализа протестного дискурса Российской Федерации, обладающего релевантными типологическими сходствами (например, наличие оппозиционных политиков, лидеров мнений, гендерное и возрастное разнообразие, аналогичные политические темы), с рассматриваемыми в работе, влияет на репрезентативность выводов и валидность выявляемых универсальных лингвистических средств?

4. Автор вводит понятие цифровой лексической единицы. В связи с этим хотелось бы уточнить состав данных единиц. Это только хэштеги? Сам автор на с. 23-24 (Положение 2) пишет, что хэштег – это частный вид цифровой лексической единицы.

4.1. Что означает «частный вид»? Какие в таком случае не частные виды цифровых лексических единиц могут быть?

4.2. В этом же положении 2 автор утверждает, что «цифровая лексическая единица функционирует только в цифровом пространстве». Однако многие ученые говорят о том, что хэштеги выходят за пределы виртуального мира в реальность: названия ресторанов (#сибирьсибирь, #фарш), рекламные слоганы на упаковках продуктов (#RitaLovesEscada на пакетах одежды бренда Escada в качестве поддержки новой рекламной кампании) и т.д. Исследователи из университета Вайкато (Новая Зеландия) Андреа Кальюд и Дэвид Трай приводят много примеров использования хэштегов как лозунгов (например, в Новой Зеландии болельщики регби пишут на плакатах хэштег #hakaena, созданный из названия племенного танца маори «хака» и названия популярной латиноамериканской мелодии, которую в англоязычном обществе считают неприличной. Маори – очень сильные игроки в регби, и болельщики английского происхождения не упускают случая поиронизировать над ними). Итак, можно ли говорить, что хэштег – это исключительно цифровая единица?

5. В Положении 5 автор говорит о том, что «достоверность и прозрачность исследования коммуникации в протестных социально-политических акциях

предопределяется верификацией комплекса цифровых лексем единого лексико-семантического поля» (с. 25).

5.1. Как понимает автор лексико-семантическое поле? В Положении 8 автор говорит о лексико-семантическом поле (2) и семантическом поле (3). Для автора это одно и то же? В лингвистике данные понятия различаются. Помимо этого, использование понятия поля предполагает традиционно выделение его ядра и периферии.

5.2. Что составляет лексико-семантическое и семантическое поля в рамках анализируемого фактического материала? Что включает в себя поле? Только хэштеги? Но почему это поле, а не, например, тематическая группа? Какова структура этого поля?

6. Положение 6, на наш взгляд, сформулировано недостаточно последовательно. Все-таки формулировка положений предполагает изложение доказываемого результата, а не приведение примеров и исторических сведений (в данном случае – по Арабской весне).

Имеются некоторые замечания и в плане технического оформления текста: в п. 1.1 Оглавления в названии раздела пропущено слово «единица»; в подписях к рисункам нет единообразия – встречается написание и *Рисунок*, и *Рис.*

Поставленные вопросы и высказанные замечания и пожелания носят дискуссионный характер и направлены на развитие этого интересного и перспективного исследования.

Автореферат и 47 публикаций автора, включающих 17 статей в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки РФ, адекватно отражают содержание диссертации.

Диссертационная работа А.В. Алексеева является самостоятельной и завершённой научно-квалификационной работой, которая полностью соответствует требованиям п.п. 2.1. и 2.2. Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном автономном образовательном

учреждении высшего образования «Южный федеральный университет», предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора филологических наук, а её автор, *Алексеев Александр Владимирович*, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры иноязычной
коммуникации и лингводидактики
ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет»

/ *Шамне Николай Леонидович*

Подпись *Шамне Н.Л.*

заверяю

Ученый секретарь федерального
научно-исследовательского центра
лингвистики и прикладной лингвистики
Федерального научного центра
лингвистики и прикладной лингвистики
РАН (ФНЦЛИЯП) * Волгоградский государственный
университет»

Н.В. Лисовская
20 25

Контактные данные:

e-mail: nikolay.shamne@volsu.ru

тел.+79272584053